

Мои воспоминанія и размышленія ¹⁾.

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ.).

Въ концѣ этого письма о себѣ я писалъ: „Что касается до меня, я слава Богу здоровъ, но нерѣдко чувствую скуку и какое-то уныніе: иной разъ дня не могу посидѣть дома. Немудрено: болѣзнь маменьки тяжело дѣйствуетъ на мои нервы. Я очень друженъ съ Надеей, но уже потому, что она особа женскаго пола и вяла, она не можетъ удовлетворить потребности въ живой бесѣдѣ“. Притомъ же Наденька была почти неразлучна съ больною татап, а я особенно по вечерамъ отнюдь не долженъ былъ заниматься никакою умственной работою. Это повлекло за собою частые мои вечерніе выѣзды въ мужскую компанію тѣхъ пріѣзжихъ изъ Петербурга гвардейскихъ офицеровъ, съ которыми сошелся братъ Василій и о которыхъ я упоминалъ выше: у нихъ каждый вечеръ собиралась молодежь и велась игра въ карты—въ преферансъ и въ азартныя игры—штоссъ и ланскнехтъ. Собственно говоря, это были очень порядочные молодые люди—Карльгофъ, племянникъ перваго мужа Елизаветы Алексѣевны, черезъ которую мы и познакомились съ нимъ и съ прочими его товарищами Моллеромъ и Тыртовымъ. Первые двое болѣе ѣздили по театрамъ, баламъ и вечерамъ, а послѣдній болѣе сидѣлъ дома и принималъ молодежь у себя. Съ ними и я втянулся въ карточную игру и терялъ не мало денегъ и еще болѣе времени: разъ случилось такъ, что я проигралъ не только заработанныя уроками деньги, но и тѣ, которыя были мнѣ выданы татап на веденіе домашняго хозяйства, и я былъ въ отчаянномъ положеніи, не рѣшаясь сказать объ этомъ татап, чтобы ее не разстроить въ ея болѣзненномъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1915 г.

состояніи, которое какъ на грѣхъ въ это время особенно ухудшилось. Пришлось заложить часы и разныя другія вещи за сто рублей, и срокъ залога подходилъ, а деньги за уроки не получались, и шапан становилось не лучше, а скорѣе все хуже. Въ такомъ крайне смутномъ настроеніи духа привелось мнѣ быть у М. Н. Каткова, чтобы сообщить ему о состояніи моей работы о логическомъ органѣ Аристотеля: у меня и въ мысляхъ не было просить у него денегъ; но онъ самъ замѣтилъ мое большое смущеніе, сталъ меня спрашивать съ большимъ участіемъ, и я чистосердечно ему во всемъ признался. Много добрыхъ наставленій и внушеній я по этому поводу отъ него выслушалъ вмѣстѣ съ обѣщаніемъ на этотъ разъ меня выручить. Михаилъ Никифоровичъ, какъ видно, и въ эту пору своей жизни, какъ и впослѣдствіи, не держалъ при себѣ денегъ и могъ мнѣ вручить ихъ только на другой день, оказавъ мнѣ тѣмъ большое благодѣяніе: само собою разумѣется, что я возвратилъ ихъ при первой возможности.

Доброе участіе, принятое во мнѣ въ этомъ случаѣ Михаиломъ Никифоровичемъ, его добрыя совѣты и наставленія не остались безъ добрыхъ для меня послѣдствій: я совсѣмъ пересталъ бывать на картежныхъ вечерахъ и играть въ карты—до поры до времени. Этому содѣйствовало еще и то, что, какъ бы поздно я ни возвращался съ этихъ вечеровъ домой, милая и дорогая Наденька всегда дожидалась меня въ моемъ кабинетѣ, нерѣдко вся заплаканная, но безъ всякихъ мнѣ укоровъ и наставленій. Сначала меня это очень сердило, я очень ее бранилъ и даже кричалъ на нее, но она съ удивительною кротостью и смиреніемъ говорила: „Простите меня, я не могу иначе: меня такъ беспокоитъ твое долгое отсутствіе по ночамъ, что о снѣ и даже о лежаніи въ постели мнѣ нечего и думать. А теперь я могу идти спать“. Наконецъ, я рѣшилъ покончить со всѣми этими тревогами и безсонными ея ночами, очень много каялся передъ нею и сталъ гораздо больше сидѣть дома, а поздніе и шумные картежные вечера у офицеровъ отчасти замѣнилъ очень скромными скорѣе послѣобѣденными (*entre chien et loup*), чѣмъ вечерними, посѣщеніями нашей милой сосѣдки Авдотьи Андреевны Яковлевой.

Эта была очень видная, статная, хорошенькая молодая блондинка, замужемъ за бывшимъ учителемъ рисованія моихъ сестеръ, Иваномъ Яковлевичемъ Яковлевымъ, который, женившись на ней, почему-то пересталъ бывать у насъ и возобновилъ съ нами знакомство уже по смерти моего отца, при чемъ

представилъ, конечно, шатап и жену свою. Она всѣмъ намъ очень понравилась и своею наружностью, и своимъ умомъ, и образованіемъ. Она кончила курсъ первую въ пепиньерскомъ классѣ Московскаго Николаевскаго сиротскаго института, гдѣ она была одною изъ лучшихъ ученицъ какъ будущаго своего мужа, такъ и такихъ наставниковъ, какъ Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ по русскому языку и словесности и Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ по исторіи: оба они очень ее цѣнили и очень охотно у нея бывали; у нея-то въ домѣ я съ ними и познакомился. Въ эту пору ей было лѣтъ 30. Дѣтей у нея не было, хотя она была уже лѣтъ 7 или 8 за мужемъ. Мужъ ея, очень добрый, привѣтливый и гостепріимный хозяинъ, старался возмѣстить отсутствіе дѣтей доставленіемъ ей полного довольства и давалъ уроки съ утра и до вечера. Впрочемъ, у нея былъ и свой небольшой достатокъ. Къ мужу она относилась нѣсколько свысока и иронически: по своему уму, развитію и образованію онъ дѣйствительно стоялъ много ниже ея. Наединѣ ему, вѣроятно, не мало отъ нея доставалось, и онъ обратился въ совершенно покорнаго мужа и былъ, что называется, *le mari de la reine*. Впрочемъ, объ ней при жизни его никто, ни даже самые злые языки, ничего худого никогда не говорили, и она оставалась постоянно вѣрна девизу Татьяны:

„Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна“.

Въ ней страннымъ образомъ соединялась большая *prudence* съ нѣкоторой склонностью къ скабрзнымъ разговорамъ съ мужчинами, и было очень много остроумія и насмѣшливости. Читала она очень много и съ толкомъ, съ хорошимъ притомъ выборомъ, благодаря такимъ руководителямъ, какъ Галаховъ и Кудрявцевъ; знала очень хорошо языки нѣмецкій и французскій и выучилась уже сама послѣ выхода замужъ английскому языку. Съ нашимъ пріятелемъ Петромъ Михайловичемъ Смоличемъ она познакомилась у насъ и очень съ нимъ сошлась: онъ очень высоко цѣнилъ ея литературныя сужденія и вкусъ и довольно часто бывалъ у нея, но всегда боялся попасть къ ней на зубокъ и во многихъ отношеніяхъ предпочиталъ ей ея пріятельницу, Зинаиду Львовну Галахову.

Отъ нечего дѣлать у Авдотьи Андреевны была страсть учиться, и вотъ узнавъ отъ меня, что я порядочно выучился итальянскому языку, она просила меня приходить къ ней къ обѣду или въ послѣобѣденное время давать ей уроки итальянскаго языка съ тѣмъ, что когда она ему научится, она будетъ

заниматься со мною англійскимъ языкомъ для моего усовершенствованія въ немъ, особенно же въ выговорѣ. Предложеніе это было мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ по душѣ: она мнѣ очень нравилась, нравилась въ ней даже ея насмѣшливость, даже ея манера говорить, цѣдя немножко сквозь зубы, нравился и ея властный характеръ, проявлявшійся въ отношеніяхъ къ ея мужу и къ прислугѣ. И вотъ я принялся за мои итальянскіе уроки со всѣмъ рвеніемъ; съ такимъ же рвеніемъ занималась и моя даровитая ученица, дѣйствительно желавшая выучиться и дѣлавшая изумительно быстрые успѣхи. Вскорѣ мы перешли отъ прозаической хрестоматіи Рубини къ его хрестоматіи поэтической, а потомъ и къ Аріосто—*Orlando furioso* (я принесъ имѣвшееся у меня очень хорошее изданіе *I quattro poeti italiani*) и начиналъ уже поговаривать о томъ, не пора ли намъ перейти къ англійскому языку и по крайней мѣрѣ раздѣлить наше урочное время пополамъ между обоими языками. Но этому не суждено было случиться, а между тѣмъ мнѣ пора была оканчивать диссертацию объ Аристотелѣ; срокъ подачи ея уже приближался, а она если и была уже близка къ концу, то во всякомъ случаѣ не была еще переписана, и на это нужно было не мало времени. Въ то время какъ я сидѣлъ за нею и днемъ, и вечеромъ, до поздней ночи, вопреки всѣмъ предостереженіямъ д-ра Глѣбова, вдругъ получаю повѣстку изъ университета о томъ, что имѣю явиться въ такой-то день и часъ къ декану факультета Степану Петровичу Шевыреву на его квартиру въ собственномъ его домѣ въ Старомъ Пименовскомъ переулкѣ.

Пріѣзжаю; люблюсь на шкафы съ книгами и на столы, уставленные книгами въ кабинетѣ Степана Петровича, куда былъ проведенъ человѣкомъ, и наконецъ является самъ онъ и, стоя передо мной, объясняетъ мнѣ, что студенты, и во главѣ ихъ лично ему извѣстный студентъ Филипповъ, обратились къ нему съ просьбой, чтобы мое сочиненіе о логическомъ органѣ Аристотеля не было допущено на соисканіе премій по кафедрѣ философіи, и онъ, какъ деканъ, находитъ эту просьбу вполне основательною по тѣмъ доводамъ, на которые указываютъ студенты, а именно: 1) что мнѣ тема эта была извѣстна заранѣе, и ее отъ меня узнали прочіе студенты: я, по порученію адъюнта Каткова первый объявилъ ее имъ, а 2) я пересталъ ходить на лекціи и рапортовался больнымъ, чтобы имѣть какъ можно болѣе времени для обработки этой темы. Такимъ образомъ равенство условій для соисканія премій дважды нарушено въ мою пользу, и потому было бы несправедливо допустить мое сочиненіе на соисканіе преміи наравнѣ съ сочиненіями моихъ то-

варищей. Я отвѣчалъ на это, что тому я узналъ раньше моихъ товарищей на столько минутъ, сколько понадобилось для переѣзда на извозчикѣ отъ квартиры М. Н. Каткова въ университетъ, а что касается до того, что у меня было больше времени, чѣмъ у нихъ, на это сочиненіе, такъ какъ я не ходилъ на лекціи, то сколько же времени и силъ у меня отняла моя болѣзнь, нисколько не выдуманная, а засвидѣтельствованная такими почтенными профессорами, какъ пользовавшіе меня Глѣбовъ и Варвинскій, а также и домашнія обстоятельства—внезапная смерть отца, тяжкая болѣзнь матери, необходимость привести семейныя дѣла въ порядокъ и даже вести домашнее хозяйство. Учестъ, сколько кто употребляетъ времени на свое сочиненіе, дѣло очень не легкое, едва-ли возможное, да едва-ли и нужное. Состязаніе заключается не въ томъ, кто скорѣе и въ меньшее количество времени напишетъ сочиненіе на заданную тему, а въ томъ, кто лучше разрѣшитъ предложенную задачу. „Вотъ вы изволили упомянуть Филиппова,—продолжалъ я,—какъ одного изъ студентовъ, которые просили васъ не допускать моего сочиненія на конкурсъ. Мнѣ очень хотѣлось бы знать, много ли онъ нашелъ себѣ со товарищей въ этой просьбѣ, и пишетъ ли онъ самъ о логическомъ органѣ Аристотеля или кто-либо изъ его союзниковъ въ этомъ дѣлѣ“.—Это праздное съ вашей стороны любопытство, и я не долженъ былъ бы называть и Филиппова.—„Совершенно справедливо, и я не желалъ бы вовсе знать именъ этихъ лицъ, но очень былъ бы огорченъ, если бы ихъ оказалось много, ибо поступокъ ихъ мнѣ кажется очень нехорошимъ, по меньшей мѣрѣ неколлегіальнымъ. Съ своей стороны я былъ бы очень радъ, чтобы у меня было какъ можно болѣе сонскателей, и я не пожелалъ бы никому изъ нихъ помѣшать выступить на арену, а скорѣе напротивъ“.—Я васъ призывалъ къ себѣ не для того, чтобы сообщая съ вами обсудить поступокъ вашихъ товарищей, а чтобы объявить вамъ, чтобы вы не подавали своего сочиненія на конкурсъ, и что если вы подадите его, то будете имѣть противъ себя въ факультетѣ по крайней мѣрѣ два голоса мои—какъ профессора и какъ декана.—„Я ничего не имѣю противъ того, чтобы мнѣ не была выдана медаль, если бы мое сочиненіе было признано ея достойнымъ, въ виду того, что такъ или иначе я все-таки въ этотъ учебный годъ почти вовсе не ходилъ въ университетъ, но я очень просилъ бы не лишать меня возможности представить мое сочиненіе на конкурсъ“.—Я вамъ сказалъ, что буду въ этомъ дѣлѣ рѣшительно противъ васъ, если вы будете упорствовать, а затѣмъ какъ рѣшить ваше дѣло факультетъ, вы въ свое время узнаете.

Съ большимъ горемъ отправился я отъ С. П. Шевырева прямо къ М. Н. Каткову посоветоваться, какъ мнѣ быть и что мнѣ дѣлать. Михаилъ Никифоровичъ былъ этимъ очень пораженъ и разсерженъ и совѣтовалъ мнѣ какъ можно скорѣе доканчивать и представлять мою работу съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формальностей. Оказалось, что ни ему, ни мнѣ не были извѣстны эти формальности; но если бы студенческія диссертациі на преміи представлялись только подъ девизомъ, никакой диссертациі напередъ отвергнуть было бы нельзя, такъ какъ неизвѣстно, чья она. Я очень просилъ Михаила Никифоровича узнать всѣ эти формальности и сообщить ихъ мнѣ. Черезъ нѣсколько дней я зашелъ къ нему и нашелъ его очень разстроеннымъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что дѣлать нечего, надобно покориться необходимости и мнѣ отказаться отъ представленія моей диссертациі на конкурсъ, что Шевыревъ предостерегалъ его чрезъ посредство, кажется, С. Д. Шестакова, чтобы онъ не былъ ко мнѣ пристрастенъ, что особенное значеніе придается противниками тому обстоятельству, что тема была объявлена студентамъ черезъ меня, и что это можетъ послужить сильнымъ орудіемъ въ рукахъ противниковъ и сдѣлаться источникомъ большихъ непріятностей. Словомъ, рѣшено было, что я не подамъ своего сочиненія на конкурсъ, не буду его теперь ни оканчивать, ни переписывать, а какъ-нибудь принесу его въ нынѣшнемъ его видѣ къ Михаилу Никифоровичу въ удобное для него время и познакомлю его подробно со всѣмъ моимъ трудомъ, что и было мною въ свое время исполнено. Въ концѣ концовъ оказалось, что никто кромѣ меня и не принимался за эту работу и ни одного сочиненія на соисканіе премій на тему по кафедрѣ философіи не было представлено, и это было тѣмъ болѣе жаль, что въ первый разъ по этой кафедрѣ предлагалась тема на соисканіе премій въ Московскомъ университетѣ. Въ то время я не былъ лично знакомъ съ Тртіемъ Ивановичемъ Филипповымъ, хотя нерѣдко встрѣчался съ нимъ въ стѣнахъ университета и зналъ его въ лицо, по имени и фамиліи. Впослѣдствіи я очень сошелся съ нимъ и очень его любилъ и уважалъ; но ни разу не пришлось коснуться въ нашихъ разговорахъ этого предмета, и я не увѣренъ, не было ли въ этомъ случаѣ имя его употреблено С. П. Шевыревымъ всеу.

А. Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).